

Бухарина) состоялся IV пленум правления Союза советских писателей, посвященный памяти А. С. Пушкина. В «Литературной газете» за 26 февраля была опубликована речь Дж. Алтаузена, в которой было приведено следующее четверостишие Пастернака:

У всех велось, чтоб за обедом  
Хотя б на третье дождь был подан,  
Меж тем, как вихрь велосипедом  
Летал по комнатным комодам.

Вслед за этим Алтаузен сказал: «Эти строчки с точки зрения пушкинской ясности и простоты, с точки зрения здравого смысла, есть не что иное, как самый настоящий сумасшедший клинический бред. Я спрашиваю у пленума ССП: как это могло получиться, что в течение долгого времени группа людей во главе с Бухариным и его подголосками — Мирским и Тарасенковым<sup>3</sup> подсовывали (так в газете. — В. Б.) Пастернака советскому народу как одного из лучших его поэтов, одновременно дисквалифицируя и оглупляя таких поэтов, как Демьян Бедный, Безыменский, Первомайский, Машашвили, Зарьян, Фефер, Голодный, Сурков, Прокофьев, Жаров, Саянов, Светлов...». Сегодня было бы смешно опровергать эти от начала и до конца несправедливые слова. Но необходимо отметить, что стихи, процитированные Алтаузенем, взяты из «Мефистофеля», стихотворения, написанного в 1920 г.

Здесь же в редакционном отчете о пленуме возникают новые вариации той же темы. «Алтаузен дает резкую и весьма убедительную оценку всех попыток, с „легкой“ руки отщепенца Бухарина, канонизировать Пастернака, как самого крупного, чуть ли не вообще единственного советского поэта. Только сознательное желание ориентировать молодежь в сторону от советской действительности, от современных интересов могло руководить теми, кто так старательно насаждал у нас культ Пастернака. <...> Не смехотворно ли после этого, в самом деле, даже самое отдаленное сопоставление имени Пастернака с именем Пушкина и провозглашение Пастернака тем поэтом, произведения которого донесут до наших потомков аромат нашей неповторимой эпохи». Опять-таки воздержимся от комментариев, но заметим, что аромат неповторимой эпохи 1937 г. произведения Пастернака до потомков действительно не донесли.

Только 10 марта была опубликована в «Литературной газете» речь Фадеева. Создается впечатление, что он занял, насколько было возможно, сдерживающую позицию. Он избежал опасных политических ярлыков, но тем не менее сказал: «Возьмем Пастернака. Я думаю, что он просто находится в каком-то странном положении. Очевидно, он считает, что надо стоять особняком к общему движению народа вперед. <...> Может быть, в этом, по его мнению, и состоит „продолжение пушкинских традиций“?»

В «Литературной газете» за 26 марта был опубликован обзор Я. Короткова «Пушкинские номера журналов». Здесь был выделен материал «Литературного современника» — стенограмма беседы в редакции на тему «Пушкин в искусстве». В беседе участвовал ученый секретарь Пушкинского общества поэт и критик И. А. Оксенов. Автор обзора с негодованием отметил, что лучшее преломление образа Пушкина в поэзии Оксенов нашел, наряду с «Юбилейным» Маяковского, в «Теме с варьяциями» Пастернака. «Какое противоестественное соединение имени Пастернака с именами Пушкина и Маяковского!» — восклицает Я. Коротков.

Мы привели лишь ограниченную выборку из всей совокупности однородных материалов. Полагаем, что она достаточно репрезентативна. Свое-

<sup>3</sup> А. К. Тарасенков опубликовал в «Звезде» (№ 5 за 1931 г.), в «Знамени» (№ 10 за 1935 г.) восторженные статьи о Пастернаке, где, в частности, указывал на литературную традицию, ведущую от Пушкина через Лермонтова, Тютчева, Блока к Пастернаку.